

Юный Люциус ошеломленно созерцал парящий посреди его собственной ванной розовый комочек с плотно закрытыми глазами. Дело было вовсе не в замедленной реакции — после трех лет непрерывных внезапных нападений отца его рефлексy обострились до предела и превосходили любые обывательские стандарты. Мальчик просто искренне не понимал, что, черт возьми, здесь происходит.

Поместье Малфоев — далеко не проходной двор, куда волен заявиться любой желающий. Сюда без спроса не пробраться даже бывшим одноклассникам отца. Будь защита уязвимой, Дом Малфоев давно бы сгинул, а не блистал на вершине магического сообщества.

Люциус мог со стопроцентной уверенностью гарантировать: незваный гость — из своих. Даже той докучливой толпе, что недавно разъехалась по домам, ход на этот этаж был заказан. Здесь располагались личные покои хозяев, и посторонним вход сюда был закрыт. Стало быть, это кто-то близкий. Вот только...

Парящий в воздухе пришелец оказался ребенком. Самым настоящим пухлым розовым карапузом. На круглом кукольном личике выделялись изящные черты: аккуратный прямой носик, алые губы, тонкие бровки и нежнейшая кожа, которую так и подмывало ущипнуть. За исключением закрытых глаз, лицо младенца казалось безупречным. Даже зажмурившись, он выглядел невероятно... милым. Пожалуй, для такого упитанного комочка иного слова и не подберешь. Но стоило только представить, как он распахнет глаза, и градус этого очарования грозил взлететь до небес.

Всякое желание принимать ванну улетучилось. Выудив подаренную отцом игрушечную волшебную палочку для бытовых нужд, Люциус небрежно бросил на себя Эскуро, придвинул стул и уселся прямо у порога ванной. Перед ним, плавно вращаясь в воздухе, парил голый младенец, чья шевелюра была столь длинной, что ею можно было бы мыть полы. Хмыкнув, юный аристократ придвинул поближе блюдо со сладостями и принялся неторопливо жевать, завороченно наблюдая за этими ленивыми пируэтами.

Примечательно, что от бесконечного кружения малец не рос в длину, однако его упитанное тельце выглядело донельзя забавно. И это не было оптическим обманом: с каждым новым витком пришелец становился чуточку круглее. Если в самом начале этот комочек походил на тугой воздушный шарик, то теперь он округлился до состояния аппетитного восточного маньтоу.

Не то чтобы он страдал избыточным весом, просто его идеальная шарообразность вызывала невольную улыбку. Люциус задумчиво жевал пирожное, склонив голову набок. Что же это, во имя Мерлина, за диковина?

Из-за давней обиды одного из предков Малфоев сведения о домашних эльфах в семейной библиотеке были куцыми — пожалуй, самыми скудными среди всех чистокровных аристократов. Тот древний лорд знатно рассвирепел. Посудите сами: династия, возводящая

безупречную внешность в абсолют и скупающая редчайшие снадобья ради идеального потомства, вынуждена была лицезреть существ, чья истинная красота ничуть не уступала их собственной, но которые из-за нелепого обета наотрез отказывались возвращать свой благородный облик. Подобное пренебрежение эстетикой привело главу рода в бешенство.

Масла в огонь подливало то, что основатель рода питал слабость к одному из тамошних эльфийских красавцев, который, как назло, оказался самым закоснелым упрямым. Любовь — поистине величайшая нелепость на свете: она дарует блаженство и тут же ввергает в уныние. Так что не стоит винить предка в мелочности. Его праведный гнев был вызван исключительно тем, что эти глупцы не ценили собственную красоту. И это, конечно же, не имело ничего общего с уязвленным эго или банальной придиричивостью. Абсолютно ничего!

Как бы то ни было, архивы поместья практически лишились сколько-нибудь достоверных сведений о домашних эльфах. Редкие же уцелевшие трактаты явно создавались в порыве уязвленного самолюбия: авторы малевали домашних эльфов самыми ничтожными, уродливыми и неблагодарными созданиями под луной. Разумеется, практической ценности эти пасквили не имели никакой.

Неудивительно, что Люциус пребывал в глубоком замешательстве. Он не имел ни малейшего представления о природе парящего существа, хотя интуиция подсказывала — угрозы оно не несет. Воспитанный в атмосфере безграничного обожания со стороны отца, Люциус ухитрился сохранить крупицу детской наивности и теперь всерьез раздумывал: уж не пробудился ли дух мэнора, решив обрести осязаемую форму?

Мальчик напрочь забыл, что даже дух поместья не позволил бы себе столь вопиющей бестактности, выбрав для своего материального воплощения столь интимное место, как ванная. Под влиянием поколений самовлюбленных павлинов-Малфоев даже круглый дурак научился бы держать марку, не говоря уже о стенах замка, веками впитывавших безупречные манеры хозяев.

Пока мысли Люциуса уносились в совершенно неподобающие дебри — он уже начал подозревать, что этот голубоволосый младенец может оказаться внебрачным сыном его ветреного родителя, — взгляд его скользнул ниже пояса незнакомца. Мальчик авторитетно кивнул собственным мыслям: определенно сын, никак не дочь.

Наконец парящий младенец разомкнул веки. Витавший в облаках Люциус нос к носу столкнулся взглядом с огромными, небесно-голубыми глазами пришельца. Наследник рода задумчиво потер подбородок:

— Что ж, если до этого твоя внешность тянула баллов на шестьдесят, то теперь — на все девяносто. До меня тебе, конечно, далеко, но для простого смертного родиться таким — истинная милость Мерлина.

Пропустив мимо ушей этот вопиющий нарциссизм, Добби озадаченно приподнял свои ладони. Прежде он контролировал свое тело на девяносто восемь процентов, улавливая даже

прилипшую к коже песчинку, однако сейчас его физическая оболочка претерпела колоссальную метаморфозу.

Небесно-голубые глаза с недоверием уставились на пару пухлых, белых младенческих ладошек. Что вообще произошло? Где те сухие, похожие на хворост пальцы? Где серая, морщинистая кожа, позволявшая бесследно растворяться в тенях среди бела дня? И куда подевались складки, напоминавшие вялую капустную корку? Кто-нибудь может внятно объяснить, что случилось?

Неужели очередное перерождение? Да еще и в человеческом облике? Пока Добби мысленно праздновал победу и мимоходом сожалел, что больше не увидит этого заносчивого мальчишку, привыкшего общаться исключительно свысока, Люциус бесцеремонно прервал его размышления. Юный лорд не терпел, когда его игнорировали.

— Послушай-ка, голопопый малец, — с вежливым, но грозным раздражением произнес Люциус. — Мне все равно, бастард ты моего блудливого папаша или оживший дух замка. Но у тебя должна быть хоть капля стыда! Разгуливать голышом в чужих покоях — верх неприличия. А уж парить без штанов прямо над моей головой — и вовсе непростительное святотатство.

Услышав этот насмешливый, но полный искреннего возмущения голос, Добби моргнул и опустил голову. Встретившись взглядом с серыми глазами юного лорда, он с досадой осознал: никакого переноса не случилось, он по-прежнему во власти этого капризного мальчишки. Склонив голову набок, Добби с удивлением поймал себя на мысли, что вид Люциуса приносит ему странное облегчение. Да что за чертовщина?!

— Мой милый юный господин, — хмуро проворчал Добби, — не соизволите ли вы объяснить вашему верному слуге, что, собственно, здесь стряслось?

Стоило ему заговорить, как недавний спесивый Люциус округлил глаза. Он уставился на парящего младенца так, словно перед ним очутилось невиданное чудовище. И без того бледное лицо мальчика растеряло последние краски — появившись сейчас здесь вампир, он наверняка принял бы юного аристократа за своего новоиспеченного сородича.

Добби озадаченно захлопал ресницами, гадая, какая муха укусила хозяина. Почему тот онемел и застыл с таким комично-ошарашенным видом?..

Полчаса спустя Люциус сидел на стуле, страдая от подступающей мигрени и созерцая завернутого в банное полотенце карапуза, который с самым невинным видом устроился на его постели. Мальчик чувствовал: отныне его не удивит даже зрелище грозного отца, танцующего хулу в соломенной юбке и с накладной грудью. В конце концов, если уродливые домашние эльфы способны превращаться в очаровательных фейри, то в этом мире возможно абсолютно все.

Да и Мерлин, этот старый пройдоха, наверняка вытворял вещи и похуже. Один из предков Малфоев как-то обмолвился, что великий волшебник питал слабость к весьма экстравагантным играм с переодеванием.

— То есть ты просто решил оккупировать мою ванну в мое отсутствие, благополучно уснул, а когда открыл глаза — обнаружил себя в таком виде? — Люциус устало потер виски, глядя на усердно кивающего карапуза, который с завидным аппетитом уничтожал его запасы сладостей.

Люциус хотел было продолжить допрос, но осекся. Он молча взмахнул палочкой и применил манящие чары, чтобы передать стакан воды подавившемуся бедолаге. С тихим вздохом мальчик наблюдал, как неуклюжий карапуз расплескивает воду по постели, отчаянно хватаясь пухлой ручкой за горло. Небесно-голубые глаза малышки затуманились слезами, потемнев до глубокого синего оттенка. Чертыхаясь про себя, Люциус наполнил стакан заново, подошел к кровати, приобнял страдальца одной рукой и осторожно напоил его. Малыш наконец откашлялся, избежав бесславной кончины, и на его лице расцвела благодарная улыбка.

— Значит, ты действительно Добби? — спросил Люциус, осторожно массируя спинку малыша. Тот казался настолько мягким, словно состоял из одного лишь теста, и мальчик всерьез опасался переломать ему хрупкие косточки. Свободной рукой он принялся лениво тискать пухлые пальчики эльфа.

Добби попытался высвободить руку из цепких пальцев мальчишки, но тут же понял: его магия совершенно отбилась от рук. Стоило ему сосредоточиться, как внутренняя энергия вскипала и рвалась наружу сокрушительным потоком, заставляя его испуганно сворачивать плетение. По самым скромным подсчетам, магический резерв вырос минимум втрое. О горе! Стоит ему сейчас применить банальное Эскуро, и он с высокой долей вероятности сотрет в порошок всю мебель в комнате.

Разумеется, возросший магический потенциал радовал, но перспектива заново укрощать эту силу приводила его в ужас. Какая изощренная пытка! Да, в прошлый раз он без труда освоил доставшуюся ему энергию, но лишь потому, что детское тело отлично сочеталось со зрелой душой. Период адаптации прошел гладко. Но когда начались серьезные тренировки, Добби понял, как тяжело добиться ювелирной точности. Ему потребовалось три года ежедневного издевательства над садовой флорой, чтобы научиться виртуозно дозировать импульсы. И вот теперь лавина сырой мощи помножила все его труды на ноль. За что ему такие мучения?

Заметив, что малыш упорно отмалчивается, Люциус переместил руку со спины на его пухлую щеку и легонько ущипнул ее. Кожа младенца оказалась настолько нежной, что мальчик пришел в восторг. Этот тихий карапуз был стократ милее того капризного сорванца, которого нянчила сестра Бета!

— Добби... — позвал он, упиваясь обретенной живой игрушкой.

От чувствительного щипка щеку обожгло болью. Пострадавший Добби обиженно вскинул

голову и уставился на Люциуса полными слез глазами. Во взгляде его читалось такое горькое обвинение, словно у него безжалостно отобрали любимую сладость. Младенец сердито замахал ручками и завертел головой, отчаянно пытаясь избавиться от наглых пальцев, терзавших его лицо.

Люциус лишь весело усмехнулся и сжал пальцы чуть крепче. Не то чтобы он жаждал мести... Ладно, скрывать бессмысленно: когда он осознал, что перед ним сидит тот самый домашний эльф, который три года назад отшлепал его, недавно заблевал ему мантию, а после едва не придушил — удержаться от соблазна было невозможно. К тому же сейчас пухлый карапуз выглядел абсолютно безобидно.

В общем, юный аристократ позволил себе немного ребячества. На его лице расплылась столь ехидная ухмылка, что будь Люциус лисом — его пушистый хвост сейчас так победно вилял бы из стороны в сторону.

— Хе-хе, хочешь, чтобы я отпустил? Тогда отвечай на мои вопросы!

Добби сквозь слезы посмотрел на мучителя и, преодолевая сопротивление, пролепетал сквозь сжатые губы:

— Дя я этя, я!

Люциус со смехом разжал пальцы и, проигнорировав свирепый взгляд домашнего эльфа, ласково похлопал его по пухлой щеке. Затем его рука переместилась выше, принимаясь теревить забавные остроконечные ушки. Поняв, что протестовать бесполезно, Добби лишь обреченно вздохнул и принялся с удвоенной силой уничтожать пирожные, мысленно представляя, как с каждым куском разрывает на части этого несносного мальчишку.

Юный лорд с улыбкой наблюдал за его усердным жеванием, продолжая задумчиво поглаживать аккуратные, словно выточенные из белого нефрита, заостренные ушки. Но стоило ему представить, как отреагируют на преображение Добби его отец Абраксас и Бета, как веселье улетучилось. Люциус тяжело вздохнул.

Да уж, этот малец определенно сулил огромные хлопоты...

<http://bllate.org/book/18185/1759127>